

Настал второй день фестиваля.

Сегодня фестиваль был открыт для всех, а это означает большой наплыв посетителей – живущие поблизости, друзья из других школ, собирающиеся сюда поступать. Суббота у многих выходной, так что народу было полно.

Соответственно, по сравнению с первым днём проблемы заключаются главным образом в атмосфере повторения происходящего и внутреннем волнении.

Но на второй день, когда задействуется поддержка всего оргкомитета, это безопасно, тяжёлый день или нет.[]Слоган из рекламы прокладок

И кстати, сегодня оргкомитет собирался занять меня на целый день.

На фестиваль заявилось много народу с ребятами из соседних средних школ – семьи, соседи и детишки по принципу «понятия не имею, что там делается, но всё равно пойду».

По идее нам надо было зафиксировать всех пришедших, но судя по тому, что я видел, затея дурацкая. Честно говоря, меня не покидало чувство, что из-за моего отсутствия в классе меня просто забудут отметить.

Группа охраны здоровья во главе с учителем физкультуры была по уши занята приёмом посетителей за длинным столом перед воротами школы. Так что здесь внутри не должно оказаться никого подозрительного.

Моя задача во всём этом хаосе сейчас заключалась в том, чтобы делать фотографии.

Заснять мероприятия классов, как чувствуют себя там посетители, сделать фото, которые бы сохранили атмосферу фестиваля.

Фотографировать. Я рассчитывал разделаться с этой работой, наделав снимков тут и там, но дело как-то не слишком продвигалось.

Причина? Едва я наводил аппарат, как мне говорили «ум-м, не мог бы ты быть любезен не снимать?» Очень неприятно...

И каждый раз я показывал свою повязку члена оргкомитета и почему-то начинал извиняться.

Когда мне наконец удалось сделать несколько снимков, меня вдруг кто-то хлопнул по спине.

— Братик!

— А, Комачи.

Я повернулся, и Комачи меня обняла. Не так плохо быть старшим братом, когда она такая ласковая. Ха-ха, моя сестрёнка та-а-а-кая милая...

— Объятия после долгожданного воссоединения... Должно быть, это масса очков Комачи.

— Что это было? Мы что, в аэропорту Хитроу?

Сдаётся мне, иностранцы в аэропортах слишком много обнимаются.

Комачи вела себя очень нахально, так что я отодвинул её. Она лукаво ойкнула.

Сегодня по идее у неё выходной, но она была в своей школьной форме. Кстати, почему старшеклассницы всегда ходят в форме? Сегодня выходной, но здесь полно народу в форме. Может, так проще, не надо думать, что надеть.

Комачи расправила воротничок, слегка съехавший от прыжка на меня. Глядя на неё, я ощутил странную тревогу.

Точно. Все пришли сюда с кем-то, а она была одна, эту неправильность я и почувствовал.

— Ты одна пришла?

— Ага. Только для того, чтобы повидаться с тобой, братик. Это масса очков Комачи. — Но заметив мой недоверчивый взгляд, Комачи демонстративно прочистила горло. — Ну, на самом деле приглашать друзей, когда они так переживают насчёт предстоящих экзаменов, было бы немного неудобно.

Совершенно забыл, насколько она глупа. Но мы же говорим о Комачи. У неё тоже экзамены. И старшая школа Соубу для неё вариант номер один.

Ну, если хочешь просто прийти и посмотреть на школу, в которую собираешься поступать, фестиваль тут действительно может помочь. Но может и надавить на тебя. Вот только вряд ли она об этом задумывается.

Комачи беспокойно огляделась, словно что-то высматривая.

— А где Юи-сан и Юкино-сан?

— Юигахама, наверно, в классе. Где Юкиносита – понятия не имею.

— А ты почему не в классе, братик? Места не нашлось?

Так небрежно и так жестоко. И грубо. Есть у меня место. Стол и стул, специально для меня выделенные. Но поскольку мою парту реквизировали на время фестиваля, я стал бродягой. Скитальцем.

— ...Блудной одинокой душе не нужна обитель.

— Вау, как круто. — Безразличным тоном заявила Комачи. — Так чем ты занят?

— Работаю...

Она ошеломлённо заморгала.

— Чем ты занят?

— Говорю же, работаю.

Какого чёрта переспрашивать? Не вынуждай меня писать тебе в табель замечание «Слушай, когда тебе говорят».

— Чем ты занят?

— У тебя что, пластинку заело? Не заставляй меня мыть тебе уши с мылом. Работаю я, серьёзно.

— Братик работает...

Взволнованно пробормотала Комачи, поняв наконец с третьего раза.

— Мой братик не может работать долго, обычно он сачкует, придумывает всякие смешные отговорки типа «ой, родители так беспокоятся о моих оценках» и просто уходит. Чтобы братик в самом деле работал... — Её глаза блеснули. — Ты не представляешь, как я счастлива... Но вообще-то это странно. Словно братик зашёл настолько далеко, что я и не знаю, как объяснить это сложное чувство.

Слушай, можно не смотреть на меня такими материнскими глазами? Это жутко смущает. Такими темпами братик перевернёт всю свою жизнь с ног на голову и начнёт жить исключительно ради блага семьи.

Стараясь избавиться от этого трогательного взгляда, я решил уточнить положение дел.

— Ну, понимаешь, я говорю работаю, но на самом деле это вроде мальчика на побегушках. С такой работой кто угодно справится.

— А, это логично.

Зараза, вот незачем было так кивать. Я горько усмехнулся.

— Знаю. Это и для меня логично.

Должно быть, я действительно выгляжу, как подчинённый, если и Хаяма, и даже моя младшая сестра с этим согласны. Но не поймите меня неправильно, я думаю, мои глаза – это глаза подчинённого пиратов, грабителей, бандитов.

Мы с Комачи двинулись по коридору.

В этой толпе она отошла на несколько шагов, рассматривая выставки и форму учеников, явно удивлённая их энергичностью.

А потом впечатлённо вздохнула.

— ...В старшей школе всё совсем по-другому, да?

— Ну, в средних школах фестивалей не проводят.

— Точно, точно. У нас только хоры состязаются.

От этих слов у меня в голове вспыхнули неприятные воспоминания.

Какого дьявола эти типы сразу решают, что кто-то не поёт? Пою я, чёрт бы вас побрал. Или что? Вы не знаете, как звучит мой голос, потому что никогда со мной не разговаривали? Вы после записи решили, что это голос привидения?

Комачи остановилась.

Преувеличенно потянулась, приложила руку ко лбу и вгляделась вдаль. Или мне так показалось, но она скрестила руки и задумалась.

— Пойду посмотрю тут всё. Увидимся, братик.

Не успев даже договорить, она сорвалась с места, помчалась к повороту коридора и взлетела

по лестнице.

— Л-ладно...

Я вдруг остался один. И машинально ответил, даже понимая, что она уже не слышит. Девицы из другой школы, проходящие мимо, от удивления отпрыгнули на полметра.

Должен сказать, моя младшая сестра – очень странная девчонка.

Комачи уверенно вписывается в окружение, но на удивление любит делать всё в одиночку. Продвинутая версия одиночки следующего поколения. Она умеет учиться на ошибках предшественников. Пока она росла, у неё перед глазами всё время был профессиональный одиночка, я, и она сумела понять все достоинства и недостатки этого режима.

Ну, с братьями и сёстрами много чего происходит.

Если старший брат, вроде меня, не в состоянии работать по общим правилам, младшей сестре вдруг становится намного легче.

Ей не придётся переживать, когда их будут сравнивать.

Но будь я великолепен во всех отношениях, каким бы Комачи видела меня?

Наверно, я начал размышлять над этим, потому что впереди я заметил её.

Даже в такой толпе.

Юкино Юкиносита шла от одного класса к другому, всматриваясь в них.

Её взгляд был немного мягче, чем обычно.

Если оставить в стороне причины и детали, именно благодаря Юкиносите фестиваль проходил так гладко. Скорее всего, она это понимала и этим гордилась. Конечно, когда над чем-то напряжённо трудишься и оно хорошо получается, начинаешь смотреть немного добрее.

Взгляд Юкиноситы скользнул к следующему классу.

А затем выхватил из толпы мою фигуру.

Выражение её лица стало немного ошарашенным, но взгляд похолодел. Почему? Она подошла

ко мне с подозрительным блеском в глазах.

— Похоже, сегодня ты один.

— Ну, дело обычное. Кстати, недавно со мной была Комачи.

— Понятно, Комачи тоже пришла. Вы не вместе ходить собираетесь?

— Она куда-то убежала. Может, решила не мешать мне работать?

— ...Работать? — Юкиносита с удивлением наклонила голову.

— А ты не видишь?..

— Потому и спрашиваю, — небрежно заявила Юкиносита.

Значит, ты не видишь, что я работаю?.. Хачиман немного ошеломлён. Хотя, строго говоря, сейчас я действительно не работаю...

— А ты что? Работаешь?

— Да. Классы проверяю.

— Вчера это не сделала? А что насчёт твоего класса?

— ...Я лучше этим заниматься буду, чем в том участие принимать.

Юкиносита заметно помрачнела.

Точно, кажется, она говорила, что 11-J устраивает показ мод. В этом классе, обучающем по международной программе, девяносто процентов учеников – девушки. Для них быстрее способ привлечения посетителей – это продемонстрировать и подчеркнуть свою красоту. И разумеется, им хотелось бы задействовать Юкиноситу. Ну да, а она, конечно, это дело ненавидит. Хотя я бы соврал, если бы сказал, что не хочу хоть одним глазком посмотреть, как её одевают в шикарный наряд, а она отбивается.

Юкиносита продолжала своё патрулирование, постоянно и пристально всматриваясь в разные места.

На одном из классов её взгляд остановился.

— ...Этот класс. Они делают не то, что написали в заявке.

На стене возле класса 12-В висела вывеска с изображением какой-то пещеры и надписью «Трамвай», начертанной шрифтом «Индиана Джонс».

— А что они должны представлять?

— Ты хотя бы в общих чертах должен знать, что все классы представляют.

Ну вот, взяла и сказала нечто обидное...

Юкиносита достала из нагрудного кармана аккуратно переплетённый проспект фестиваля и протянула его мне.

Я молча взял его и раскрыл. Честно говоря, оставшееся в нём тепло меня возбуждало, так что лучше бы ей воздержаться от таких поступков.

И быстро начал искать детали мероприятия класса 12-В, стараясь изгнать мирские желания. Так, 12-В, 12-В...

Вот оно. «Показ диорамы с орнаментом изнутри из медленно движущегося трамвая». Вообще-то, похоже.

Но из класса донёлся визг.

А затем металлическое клацанье.

Явно американские горки... Наверно, они резко сменили направленность, услышав восторженные отзывы об американских горках класса 11-Е. Приспособленцы.

Но зампредседателя решила не спускать это с рук и быстро вызвала старосту.

— Староста здесь? Это совсем не то, что у вас в заявке написано.

Цвет лиц девушек из класса 12-В резко изменился.

— Вот дерьмо!

— Нас раскрыли!

— Д-давай её сюда! Загладим дело!

Девушки зашумели, схватили Юкиноситу за руки и потащили в трамвай.

— Э-эй!

Сопровождающая Юкиносита бросила взгляд на меня. Кажется, она просила о помощи.

Но это дало обратный эффект.

— ...Он тоже из оргкомитета?

— У него повязка!

— Давай и его тоже!

Меня схватили грубые парни. Эй! Почему не девушки? Так нечестно!

И затащили в класс. Эй! Кто это был? Кто мою задницу трогал?! Класс внутри был разукрашен под внутренность пещеры. Подсвеченные светодиодами минералы, хрустальные кристаллы, скалы из пенополистирола и летающие над всем этим летучие мыши на леске.

Меня моментально зажали и запихнули в трамвай, сделанный из разукрашенной тележки. Эй! Кто это опять? Кто меня по заднице гладил?!

Последний толчок заставил меня влететь внутрь. И едва не столкнуться с уже запиханной туда Юкиноситой, мы едва не повалились друг на друга.

Последним усилием мне как-то удалось этого избежать, но мы оказались вплотную друг к другу.

...Она так близко, так близко. Мы с Юкиноситой шарахнулись в разные концы узкой кабинки.

— Ум-м, спасибо, что воспользовались нашим трамваем. Раскройте ваши сердца красотам загадочного подземного мира.

Как только приветствие закончилось, трамвай рывком сдвинулся с места. Его толкали четыре парня крепкого телосложения в чёрной одежде. При ближайшем рассмотрении обнаружили ещё двое, которые им помогали.

Трамвай быстро разогнался. Путь, собранный из парт, длинных столов, листов железа и досок, трещал и гремел. Мы всем телом ощущали сильную тряску.

Очень страшно... А ещё страшнее было осознание, что толкающие вагон ребята не шутят...

Я вдруг почувствовал, что что-то тянет меня за куртку. Посмотрел и обнаружил, что это Юкиносита вцепилась в мой рукав.

Бросаемый вперёд и назад, вверх и вниз, я начал понимать, как чувствует себя бельё в стиральной машине.

Наконец трамвай остановился.

Юкиносита, не отлипая от стенки, облегчённо вздохнула.

— Как вам понравилось путешествие в недра земли? Приходите в любое время.

Голос пробудил нас к жизни. Мы с Юкиноситой посмотрели друг на друга. Она быстро отпустила мой рукав.

Из класса мы вылетели пулей. После царящей внутри темноты солнечный свет показался ослепительно ярким.

— Ну и что вы думаете о нашем аттракционе?

Гордо спросил парень, которого поначалу тут не было. Похоже, староста 12-В.

Немного ошеломлённая Юкиносита наградила его холодным взглядом. Но то, что она нетвёрдо держалась на ногах, несколько нивелировало эффект.

— Тут и думать нечего, это не то, что у вас в заявке написано...

— Совсем чуть-чуть! Мы просто немножко расширили представление!

Что называется, «понесло»... Когда кого-то несёт, ругай его, не ругай, слушать он не будет. Это не вина старосты, это просто психология группы. Стоит им решить, что делать, и начать действовать, к окружающим они уже не прислушиваются. Нам надо просто немного подправить направление их действий.

— Ну, если народ радуется, не такое уж это большое дело, — сказал я. — Во всяком случае, пока оно безопасно.

Юкиносита призадумалась.

— Пожалуй... В таком случае оформите дополнительную заявку и подайте её в оргкомитет. И объясняйте всё посетителям поподробнее. На входе и перед началом поездки.

— Э-э... Если только это, хорошо.

— Спасибо.

Юкиносита поклонилась и двинулась прочь. Чуть отойдя, она глянула на меня через плечо. С недовольным выражением лица. И с немного покрасневшими щёками, наверно, от солнечного света.

— ...Отчётник, про свою работу не забывай. Или... тебе нужен кто-то, кто будет следить, чтобы ты не отлынивал?

— Не нужен...

Не надо смотреть на меня свысока. Можешь следить за мной, сколько хочешь, но когда придёт время сачковать, я буду сачковать. Это и делает меня мной.

х х х

В итоге я был взят под жёсткий контроль Юкиноситой и под её чутким руководством наделал множество снимков.

Её патрулирование и моё фотографирование вполне уживались между собой.

Юкиносита остановилась у класса 12-Е, недалеко от физкультурного зала.

«Мяу Гав Питомцы всех видов».

Похоже, ребята притащили сюда своих домашних любимцев.

На стене были развешаны фотографии. Помимо обычных собак, кошек, кроликов, хомячков тут были и хорьки, горностаи, ласки, змеи, черепахи... В общем, много всего.

Юкиносита уставилась на одну из фотографий.

А? Рэгдолл? Рэгдоллы – это такие кошки. Большие и очень пушистые. Их так называют,

рэгдоллы. Наверно, это от слова «doll» – кукла, но к куклам для взрослых это никакого отношения не имеет. Есть ещё и мелкие породы, вроде сингапуров или манчкинов. Хотя я и говорю «пура-пура» или «манч-манч», но в этом нет ничего непристойного.

Юкиносита снова и снова всматривалась вглубь класса и возвращалась к фото.

...А. Это безнадежно. Та же самая безнадежная ситуация. Вижу я, к чему дело идёт.

— Ты и войти можешь, знаешь ли, — сказал я ей, уверенный, как дальше будут развиваться события.

Но, к моему удивлению, Юкиносита разочарованно покачала головой.

— ...Там собаки.

А, точно, она же не выносит собак, да? Никаких шансов.

— И к тому же... меня увидят, так что...

Смущённо добавила она. Покраснела и опустила взгляд.

Ну, пожалуй. Я имею в виду, если посмотреть, как нежно она обращается с кошками, это действительно может показаться странным. Она не будет тискать их или кричать «какая милашка!», она будет действительно очень бережна и нежна с ними. От своего она не отступит. В этом она мастер. И если зампреда оргкомитета увидят такой, её достоинство упадёт ниже плинтуса.

Не те условия, как в том зоомагазине «Monster Hunter», здесь она не может так поступить. Тут и посторонние глаза имеются.

— Тогда просто как-нибудь сходи в «Перекрёсток». Там хороший зоомагазин.

— Я знаю, часто туда захожу.

Вот как?... Так ты там уже была...

— Тогда с этим всё, да?

Но Юкиносита, кажется, не могла сдвинуться с места. Она просто показала мне на дверь.

— Отчётник, работай.

Ты что, Мистер Попо, [] Персонаж «Dragon Ball» что ли? Смени словарь.

Но железная воля Юкиноситы и кошки перед ней приковали её к месту так, что и ломом не сковырнёшь.

Я зашёл внутрь и начал снимать. Так, хорошо, хорошо. А теперь лапки приподними.

И за несколько минут разделался с этой дурацкой работой.

— Слушай, а есть смысл столько кошек снимать?

Хотя не такое уж это великое дело...

Юкиносита выхватила у меня цифровой фотоаппарат и уставилась на дисплей. Пролистала многочисленные фото чучел-мяучел, что я наделал, повинувшись её подаваемым издали командам, устало вздохнула и удовлетворённо улыбнулась.

Я смотрел на неё, размышляя, не опасно ли пялиться на фотки на ходу. Но все шли в том же направлении, и как ни странно, мне не пришлось беспокоиться, что она в кого-то врежется.

Дальше был физкультурный зал, встретивший нас открытыми дверями. Внутри было полно народу.

Все чему-то очень радовались. Юкиносита вернула мне фотоаппарат.

— ...Сейчас начнётся.

— Что? — Спросил я, но она не ответила.

Она молча, решительным шагом направилась в зал, словно собираясь найти там какой-то ответ.

И позвала меня, не оборачиваясь.

— Хикигая. Идём.

— А, угу.

Какая, собственно разница. Я всё равно работаю как помощник отчётника, так что возражать не стану. Зампредседателя сама командует мне, что фотографировать, поэтому криков «не надо снимать!» больше быть не должно. Мне же легче.

И я двинулся в зал вслед за Юкиноситой.

Все кресла были заняты.

Кому мест не хватило, стояли позади плечом к плечу. Судя по количеству народа, наверно, было какое-то объявление, которое я прозевал.

— А, Юкиносита. Ты вовремя. — К нам подошёл ответственный за зал. — У нас тут не хватает стульев, многие стоят, не лучше ли выстроить их рядами?

— Все будет нормально.

— А не слишком шумно?

— ...Очень скоро станет тихо.

Разумеется, как Юкиносита и сказала, шум утих. Потому что все почувствовали, что вот-вот начнётся? Или так повлияли установленные на сцене инструменты?

Прежде, чем всё начнётся, мы двинулись к последнему ряду стоящих зрителей. И как только мы подошли, зрители заволновались.

Я посмотрел на сцену и увидел, как там появляются девушки в шикарных платьях, с разными инструментами в руках. Их встречали аплодисментами.

Последней на сцену неспешно вышла Харуно Юкиносита.

Тонкое длинное платье в этом ослепительном свете подчёркивало все изгибы её тела. Тёмная материя колыбалась на каждом шагу, завораживая всех, кто смотрел на неё. Приколотая к груди чёрная роза, уложенные волосы и аура роскоши, даже издали блистающие жемчуг и блёстки делали Харуно ещё более ослепительной.

Харуно придерживала подол юбки и изящно поклонилась.

На своих высоких каблуках поднялась на возвышение и взяла дирижёрскую палочку.

Слегка приподняла её и замерла. Это элегантное движение заставило всех затаить дыхание.

И затем взмахнула палочкой, словно рапирой.

Зал наполнила музыка.

Слитный и сильный звук медных труб, резкий и острый как стрела тембр смычковых и, словно в противовес им, дрожащий как вечерний вечер звук флейт.

Харуно резким движением разорвала пространство перед собой.

Скрипачи поднялись, и виртуозно провели смычками по струнам.

Затем шагнули вперёд флейты, пикколо, гобои, аккомпанируя изящной мелодии. Взметнулись в воздух кларнеты и фаготы. Поднялись трубы и тромбоны, ярко блестя на свету. Провернулся контрабас, и в такт ему ударили литавры.

Это было живое музыкальное вступление, никак не сочетающееся с классическими костюмами музыкантов. И уж тем более с ними контрастировали нешаблонные, броские и сильные движения.

Зрители были ошеломлены.

Но узнаваемые ритм и мелодия возбуждали и вызвали ощущение сродства с музыкантами, заставляя внимательно вслушиваться, наклонясь вперёд. Поняв, зрители начинали отбивать такт на коленях.

Что это за мелодия? Я её уже слышал раньше. Мне кажется, это пьеса, которую часто играл музыкальный клуб.

Когда ответ уже крутился на языке, Харуно вдруг вскинула палочку и махнула ей вправо и влево.

Необычное движение для дирижёра. Все смотрели на палочку. Длинные тонкие пальцы начали обратный отсчёт.

Моих ушей коснулась знакомая фраза. Все в зале знали эту пьесу.

Харуно снова повернулась. Палочкой к оркестру, второй рукой к залу. И энергично взмахнула обеими руками.

По этому сигналу все синхронно вскочили и закричали.

— Мамбо!

Это был краткий миг, в который невозможно различить оркестр и зрителей.

Даже взрослые, как и Харуно, закончившие уже школу, живо подчинились ей.

Все были взбудоражены словно в клубе или на дискотеке.

Никто не мог оставаться в стороне. Возбуждение дошло до предела. Все буквально должны были затащить сюда своих друзей. И тем, кто добился этого, умело дирижируя оркестром, была Харуно Юкиносита.

Я стоял в самом конце и потому мог спокойно на всё это смотреть. Но окажись я в толпе, я мог бы превратиться в нечто пугающее. Скорее всего, я просто сидел бы, не чувствуя настроения и мрачно хмурясь.

Музыка продолжалась, стремясь к последнему фрагменту.

— ...обычно.

Услышал я голос рядом. Такой тихий, что он обязан был утонуть в этом невероятном представлении.

— А?

Поднял я голову и повернулся к Юкиносите ухом, потому что полностью её не расслышал.

Она чуть придвинулась.

— Я говорю, великолепно как обычно.

Тихий шёпот посреди накатывающихся волн музыки подсказал мне, насколько близко мы стоим друг к другу в этой темноте. Мягкий запах свежести заставил меня рефлекторно отшатнуться.

Я взял себя в руки и придвинулся на полшага. Ничего страшного, наши лица не вплотную, нечего так нервничать.

— Просто удивительно услышать, как ты кого-то хвалишь.

— ...Правда? Может, это не видно, но я отношусь к сестре с большим уважением, знаешь ли.

Чем ближе друг к другу мы стояли, тем яснее слышны были наши голоса. Но последние слова Юкиноситы оказались настолько тихи, что были почти неразличимы.

— Думаю, я хочу быть такой, как она.

Её взгляд был устремлён на сцену. Там, свободно взмахивая палочкой, словно в танце с мечом, сияла Харуно.

На высокой сцене и даже ещё выше, на дирижёрском подиуме. Купаясь во всеобщем внимании. Это и правда было нечто очень ей подобающее.

— ...Тебе не надо быть похожей на неё. Просто оставайся такой, какая ты есть.

Едва я успел это прошептать, раздался взрыв аплодисментов и криков. Ответа Юкиноситы я не услышал.

<http://tl.rulate.ru/book/71927/3525502>